Глава 25
「Тень ставит крест на путешествии из ущелья」

— Наконец-то явился… — с ненавистью пробормотала Филия. Удерживая своей Властью огромный гарпун, она смотрела на восток, откуда тянулась его золотая цепь.

Цепь драматичным образом изменилась.

Она раздулась в мгновение ока, быстро и внезапно увеличившись в размерах, словно бобовый стебель из сказки.

Звенья пружинили под ногами Энкиду, испуская магическую энергию.

Слуга мчался вперёд, подстроившись под ритм своего сердца.

Плотная фигура стремительно приближалась к ней.

Несколько дней назад она заметила, что кто-то следил за ней, но держался на расстоянии. До этого момента. Она пыталась выманить его к храму, завладев лесом, похожим на тот, в котором он когда-то жил вместе с девочкой. Но даже тогда он не дал ей желанный бой. Филия предположила, что Мастер, призвавший Энкиду, был либо очень осторожным, либо настолько слабым, что Слуге пришлось уйти в оборону.

— Если бы ты забыл про эту глупую Войну за Святой Грааль и напал, едва меня почуяв, то тебе удалось бы сразиться бок о бок с Гильгамешем. Но нет, ты решил остаться в стороне, — произнесла она, почти закрыв глаза. Могло показаться, что в её голосе прозвучала ностальгия по далёкому прошлому. После этих слов богиня Иштар медленно подняла голову.

— Тебе решать, каким быть. У жизни ради других без лицемерия и обмана есть свои достоинства.

— Моя богиня?..

Харли стояла перед ней, сдерживая Берсеркер. Ощутив, как божественность Иштар начала расширяться, она развернулась.

Богиня встала рядом со своей главной жрицей и, свирепо глядя на врага, приближавшегося с востока, с бесстрашной улыбкой подняла правую руку к небу.

— Но…

В следующий момент божественная сила Иштар раскинулась и *очаровала* землю между лесом и городом.

— Тебе, мусору, который не может найти себе место, удалось меня оскорбить… Поздно жалеть, искупать или как-то заглаживать вину за этот позор. Тебе никогда не стать чем-то большим, как ни пытайся. *Я хочу увидеть, как ты разваливаешься на части, гниёшь, корчишься, иссыхаешь и падаешь от изнеможения.*

Это было её первое проявление враждебности в этой эпохе.

— !..

По всему телу Харли пробежалась неприятная дрожь, словно конец света наступил уже семь раз.

Если бы Иштар не благословила Харли ролью главной жрицы, это сломило бы её разум и лишило организм жизненных функций.

Но даже эта невероятная ярость, слетев с губ Иштар, стала чарующим голосом, подчинившим себе мир.

Сплетение, обращённое вспять.

Под действием чар земля получила псевдоинтеллект и функции органической жизни, что, в свою очередь, позволило ей обрести эмоции.

Она стала огромной формой жизни. Или колонией маленьких живых существ.

Земля в экстазе вздыбилась, словно бурный океан, и глинистые волны устремились к Энкиду, объединив силы с ураганным ветром.

— ...

В отличие от Иштар, Энкиду не сказал ничего.

Слова были столь же ненужными, сколь и бесполезными. Он лишь направлял на Иштар свою враждебность.

Чары не могли затмить его взор. Воздух и цепи, которых касался Энкиду, отвергали богиню и всё, что она представляла.

Одними только физическими усилиями Энкиду избежал нападения земли, ставшей приспешницей Иштар.

В два шага он отбросил летящие волны грязи и пробился сквозь всенаправленную враждебность.

Обычная поступь гремела подобно грому, а измельчённая порода превращалась в сложное переплетение цепей, которые начали опутывать главную цепь.

Тоннель света, оберегающий золотой мост.

Энкиду вложил ещё больше силы в гарпун, проникая в Эпоху богов.

Иштар прищурилась, глядя на приближающийся снаряд.

— Дерзкий мусор.

И затем она сказала Харли, которая наблюдала за происходящим, затаив дыхание:

— Пусть Берсеркер поможет мне остановить этот мусор. Со змеями разберётся Гугаланна.

— Да, моя богиня!

Харли послушно обратилась к своей Слуге Берсеркер.

Поскольку Энкиду подобрался так близко, она приказала её остановить его... или уничтожить.

Берсеркер развернула своё огромное тело в сторону востока, издавая тихий скрежет, едва слышный из-за воя ураганного ветра.

Она отключила функции, помогавшие ей бороться с потопом и наседающими змеями, после чего назначила Энкиду единственной целью всех своих процессов.

Страж леса богов, по легенде внушавший страх даже Королю героев Гильгамешу.

Представ перед этим ужасающим монстром…

Представ перед старой подругой, которую он когда-то собственными руками превратил в груду плоти, Энкиду тихо пробормотал:

— Нам надо поговорить… Хумбаба.

Сказав это, Энкиду наполнил свои конечности магической энергией.

— Но сначала… я заткну эту богиню, которая не только одарила тебя благами и умиротворением, но и заставила трепетать от страха.

Энкиду взмыл вверх со скоростью молнии и нацелился на богиню в храме.

Но его остановила Берсеркер – колосс по имени Хумбаба.

Несмотря на проворство, неожиданное для столь огромных размеров, она не стала наносить ответный удар.

Харли и Берсеркер чувствовали силу Энкиду и решили действовать от обороны.

Очевидно, что Энкиду было достаточно малейшего замешательства, чтобы разорвать их на части.

До этого Берсеркер сбила целый дождь современных ракет, но её всё равно заставили защищаться.

Оружие, созданное как стержень, удерживающий богов на поверхности, наблюдало, как противник укреплял защиту, ведомый долгом защищать Иштар.

— Это проблема… Битвы на истощение не мой конёк. *В лучшем случае я продержусь три дня и три ночи,* — произнёс Энкиду, вспоминая свою дуэль с лучшим другом Гильгамешем.

Ностальгические дни из прошлой жизни.

Слова Энкиду были честными и сердечными, лишёнными даже намёка на ехидство и сарказм.

Потому что… он очень хотел, чтобы эта короткая трёхдневная дуэль длилась вечно.

× ×

Ущелье.

— Силы стягиваются, — пробормотал кто-то из класса Эль-Меллоев, увидев растянувшуюся в воздухе заряженную энергией золотую цепь.

Его слова относились и к ущелью.

Потому что вскоре после офицеров полиции Сноуфилда и облачённых в костюмы подчинённых Тины с востока практически одновременно прибыли две лошади.

— Я гляжу, вам пришло в голову пригласить организаторов этой Войны за Святой Грааль. Вы в своём уме?

Секретарь Тины Челк не верила своим глазам. Она вопросительно посмотрела на класс Эль-Меллоев и полицейских.

Вера Левитт, представлявшая сопровождавший её отряд из двадцати офицеров, с невозмутимым видом ответила:

— Сейчас не время беспокоиться о положениях и взаимоотношениях.

— Да... Прошу меня простить.

Ей было что сказать, но она предпочла промолчать, но не потому что подобные заявления могли задеть достоинство её госпожи. Она напомнила себе, что магу нужно проявлять сдержанность, и направила взор на членов класса Эль-Меллоев.

Однако её внимание быстро переключилось на двух лошадей.

Мужчина в доспехах, являвший собой воплощение силы духа и энергичности, осмотрелся с блеском в глазах. Ехавшая вместе с ним женщина цеплялась за его плечи и пыталась отдышаться.

— О да, вот это я понимаю! Поразительно! От меня такое не скроешь! Все здесь первоклассные маги! На вид даже сильнее Сен-Жермена, моего самопровозглашённого придворного мага! Ах, простите, грубое, наверное, сравнение, учитывая, что он был очевидным шарлатаном...

Услышав, как Сэйбер небрежно высказал информацию о себе, многие маги сразу же заподозрили, что он был не Слугой, а местным уличным артистом.

Подчинённые Тины всё поняли, что перед ними Слуга, но его слова всё равно застали их врасплох. Ханза сложился пополам от смеха.

Полицейские же, которые знали Сэйбера достаточно хорошо, лишь неловко улыбались.

Некоторые ученики Эль-Меллоя нахмурились, приняв это за шутку, в то время как другие начали всерьёз перешёптываться, высказывая предположения о его личности.

— Он сказал «Сен-Жермен»?

— Выходит, он... Людовик XV?

— Может, Александр Великий...

— Ракоци?..

— Рискну предположить, что перед нами царица Савская.

Наблюдая за юнцами, которые обсуждали его так, словно он их не слышал, Сэйбер рассмеялся в такт стуку копыт своего скакуна и повёл его туда, где открывался хороший вид на лес к западу от Сноуфилда.

— Стоп-стоп-стоп, Сен-Жермен изменял мне с другими правителями? Пожалуй, этого следовало ожидать от парня, который, по его словам, не стареет. К тому же в моё время он разъезжал на одной из этих «машин», которые нынче повсюду. Для мага вообще нормально творить такую дичь?

— Граф Сен-Жермен был магом, сбежавшим из института Атлас?.. Кажется, я опять узнал то, чего мне знать не следовало...

Услышав бормотание гиганта в очках, Сэйбер пожал плечами.

— Одно его присутствие распространяет информацию, которую лучше никому не знать. Он хоть и называл себя придворным магом, но от него я научился лишь *восстанавливать повреждённые драгоценные камни.*

После его слов у пары магесс загорелись глаза, но они воздержались от комментариев, видимо, рассудив, что развивать эту тему было не самое удачное время.

— О, но всё же я впечатлён!

Сэйбер с детским удивлением смотрел на лес с утёса, словно настроение людей вокруг его никак не касалось.

Его взгляд был прикован к ноге *какого-то существа*, которую опутали гигантские змеи. Нога опускалась с неба на чёрный потоп, поглотивший лес. Следовавшие за этим золотые взрывы то и дело поднимали скальную породу в воздух.

— То есть мы объединяемся, чтобы дать бой вон тому *существу*? Если бы я воплотился в классе Райдер, то распределил бы свою силу между всеми, но, к сожалению, я Сэйбер.

Сэйбер с радостью дал оценку своим способностям, глядя на развернувшееся перед ним фантастическое зрелище.

После чего он внезапно развернул своего скакуна и представился, словно только сейчас про это вспомнив.

— Простите мою невежливость, ведь я даже не спешился! Я Слуга, участвующий в этой Войне за Святой Грааль в классе Сэйбер! Прошу понять, что мне сейчас никак не слезть с лошади! Дело не в статусе, просто мой Мастер не удержится на ногах, если ступит на землю!

— О-о-о-ох... Н-ничего, скоро я приду в себя... — со стоном произнесла женщина, прежде чем поднять голову и осмотреться.

«О, священник из той церкви... Живой».

Они не пересекались с тех пор, как церковь серьёзно пострадала. Аяка облегчённо вздохнула при виде по большей части целого и невредимого священника с повязкой на глазу.

«Отлично, с отрядом мисс Веры тоже всё нормально... А?»

Аяка заметила кое-что странное.

Помимо полицейских и странных личностей в костюмах, здесь присутствовала третья, разнородная группа молодых людей, которые смотрели на неё с настороженностью и изумлением.

— Это же Садзё...

— Аяка с Юмина, верно?

— Она что, покрасила волосы?

Услышав их шёпот, Аяка содрогнулась и сглотнула. Слабость в ногах сразу же вылетела у неё из головы.

— А... Ч-чего?

Аяка *никого из них не узнавала*.

Женщина азиатской наружности в красном платье не сводила с неё пронизывающего взора, но Аяка всё равно не могла вспомнить.

Не подозревая о её тревоге, молодые люди обменивались полными замешательства словами.

— Но Садзё ведь сейчас в Румынии. Мы это точно знаем.

— Несомненно…

— Правда? А я вот не вижу никакого сходства. Садзё пахнет более гармонично и извилисто.

— Просто ты не по виду судишь, Свен.

— Однако… Если Свен говорит такое, то мы можем с уверенностью сказать, что она другой человек.

Эти незнакомцы обсуждали её.

Впервые за долгое время Аяка вспомнила, что её бросили на милость беспощадной судьбе. Она слезла с лошади, готовясь к худшему, собралась с духом и произнесла:

— Эй.

Все сразу же посмотрели на неё.

Аяка покачнулась от давления. Ей не верилось, что они были почти её ровесниками.

Она не заметила, как Сэйбер тоже спешился. Его рука легла на её плечо.

— Всё нормально.

— Да… Спасибо.

Аяка успокоилась и спросила:

— Вы все обсуждаете мою внешность, но… Кто вы вообще такие? Мы… знакомы?

После этих слов вперёд выступила женщина, явно наиболее волевая среди молодых людей.

— Нет. Точнее говоря, мы узнали о твоём существовании всего несколько дней назад.

— А?

— Это нам хочется знать, кто ты такая. Мы можем работать с кем-то, кому не доверяем, ведь предать потом не составит труда. Но объединиться с кем-то, кого мы не понимаем?.. Это проблема посерьёзнее, одной только излишней осторожностью тут не обойдёшься.

Женщина жестом прогнала своих товарищей.

— Хватит прохлаждаться. Я заставлю её ответить на вопросы, а вы продолжайте наблюдать за лесом. Знаете же, что мир может исчезнуть, пока мы тут занимаемся не пойми чем.

Молодые люди вняли её словам и принялись расставлять магические приспособления и круги, чтобы должным образом реагировать на аномальные изменения в лесу. Многие из них пожимали плечами.

Женщина в красном, чей взгляд был прикован к Аяке, прямо спросила:

— Давай-ка ещё раз. Кто ты такая? *Почему у тебя лицо Садзё*?

Зрение Аяки исказилось и мгновенно вернулось в норму.

Не понимая обращённых к ней слов, она нашла в себе силы и ответила вопросом на вопрос:

— Почему? Потому что… я Садзё Аяка… Подожди, есть ещё кто-то с таким же лицом?

— Да. Волосы у неё другого цвета, но в остальном вы похожи как две капли воды. Ладно... Тогда другой вопрос. Слово «Фуюки» тебе о чём-нибудь говорит?

— Ну, да, это мой родной город.

— Хм... В каком районе ты жила? Синто? Мияма? Хомурахара?

— А? Эм-м-м...

Голова болела.

Прошлое ныло.

Память искажалась.

Почувствовав, как её голову в мгновение ока заполнил густой туман, Аяка смогла кое-как выудить название из глубин разума.

— Курокидзака... Многоквартирный дом Семина.

Женщина в красном на секунду прищурилась, когда услышала эти слова, но, в отличие от Сэйбера, Аяка этого не заметила.

Когда она оказалась в этом городе и назвала своё имя в участке, полицейские сказали, что проведут расследование, и не стали расспрашивать её о прошлом.

Возможно, проведи она там больше времени, они бы обнаружили неточности в полученных документах и устроили ей самый настоящий допрос.

Но этого не произошло, и она осталась в городе как «Аяка Садзё из Японии».

Поэтому сама Аяка не особо задавалась вопросами по поводу того, кем она была. До этого момента.

Прежде никто не *заставлял* её думать об этом.

— У тебя были друзья в Фуюки? Можешь назвать имена?

Женщина в красном продолжила свой методичный допрос, не агрессивный, но и не мягкий. Сэйбер рассудил, что она делала это без злобы, просто её методы были весьма прямолинейными и нейтральными для мага.

Поэтому Сэйбер не препятствовал её допросу, но приготовился действовать, если вдруг что-то случится.

— Друзья?..

Дымка в голове Аяки сгустилась, но она не стала от неё убегать.

«Бежать нельзя. Если сдамся сейчас, то этот туман никогда не рассеется».

Копаясь в своих воспоминаниях, Аяка обратилась к *дням в Фуюки*, которых она старалась избегать.

— Точно... У меня есть... были друзья...

Ей удалось кое-что разобрать в расплывчатых мыслях.

Людей, чьи лица она плохо запомнила. Тех, кто назвал её имя.

— Они сказали мне, что меня зовут Аяка, Садзё Аяка...

Имена людей, которые научили её, что она «Садзё Аяка».

— Гото... Гай... и... Цунокума?..

— Что?.. Хм? Серьёзно?

Как только Аяка назвала эти имена, женщина в красном продемонстрировала новую реакцию. Она удивилась.

— Никогда бы не подумала, что услышу эти имена здесь... Раз уж ты сказала про многоквартирный дом Семина, я ожидала упоминания Химуро и, может, Мицузури

и Саэгуса, но... Ха... Если тебе хотелось сбить меня с толку, то поздравляю, отличная работа.

— ?

— Да ладно, любой скажет, что Аяка смущена гораздо больше, чем ты.

Сэйбер решил прийти на выручку и начал вмешиваться в разговор.

— Хм-м... Как я понял, вы не доверяете Аяке, потому что... ваша общая подруга выглядит и зовётся так же, как и она, но при этом является совершенно другим человеком.

— Разве ты можешь нас в этом винить?

По ответу магессы в красном было понятно, что она продолжала стоять на своём, но при этом проявляла осторожность.

Сэйбер сразу же сообразил, что это был не тот случай, когда Мастер или маг унижает Слугу, равняя его или её с обычным фамильяром.

«Хотя самоуважения ей тоже хватает... Подобная ситуация этой женщине действительно не в новинку. Должно быть, она много знает о Слугах и Героических душах. Более того... она много знает и о Фуюки».

Несмотря на это, Сэйбер придерживался политики никогда не скрывать, кем он был.

— Да, мы имеем дело с подменышем, не иначе. Феи существа ужасные, скажу я тебе. Никогда не знаешь, что они учудят, а для большинства из них люди не более чем каракули на листе бумаги.

— Сэйбер?

— Что ты пытаешься сказать?

Аяка и магесса посмотрели на Сэйбера. В их глазах читалось много вопросов. Сэйбер ясным и неуклонным тоном ответил:

— Копии тел. Иллюзии. Фантазменные звери. Вампиры. В нынешнюю эпоху возможно даже изменить лицо человека с помощью медицинских технологий, верно? Простой макияж и ловкость рук могут сотворить чудеса. Возможных причин существования нескольких Аяк столько же, сколько звёзд на небе. Но проблема не в этом, — заявил Сэйбер, кивая в знак согласия с собственными словами. — Да, у вас есть причина подозревать Аяку. Это вполне естественно. Но я знаю только одну Аяку, за которой присматриваю с момента своего призыва. И я говорю, что ей можно доверять.

— То есть ты хочешь, чтобы мы поверили мнению её Слуги?

— Не, я ваша гарантия.

— Гарантия?

— *Аяка хочет доказать, что она хорошая девочка, и только поэтому я ещё не убил вас всех,* — сказал Сэйбер, сверкая самой ослепительной своей улыбкой.

— Прошу прощения?..

Аяка с недоверием подняла голову.

Сэйбер холодно продолжил, словно не услышав голоса своего Мастера:

— Мы прибыли сюда, потому что вы пригласили нас сразиться бок о бок, но я вижу лишь, как моего Мастера заваливают вопросами. Лично для меня этого достаточно, чтобы подписать вам всем смертный приговор.

— Подожди, что ты?..

— Не волнуйся, Аяка. Если придётся, я смогу призвать всю свою свиту разом. Этот бой я не проиграю, — заявил Сэйбер и пожал плечами, словно для него это было сущей ерундой.

В ущелье как будто стало холоднее.

Дело было не только в женщине в красном. Молчавшие маги, занятые своими делами, тоже щёлкнули своими «переключателями», даже не поворачиваясь.

Лицо стоявшей рядом с ними Ипполиты было невозмутимо, но она уже сместила центр тяжести.

Воительница приготовилась начать бой в любой момент, но Аяка, естественно, не понимала, что ситуация изменилась, Сэйбер бесстрашно улыбался, а полицейские с подчинёнными Тины напряглись.

Но первый ход сделала та, кто не заметила возникшего напряжения. Сама Аяка.

В её голове была лишь сцена из сна.

Сэйбер в какой-то крепости и куча тел, *окрашенных в красный цвет*.

Вспотев с головы до ног, Аяка крепко вцепилась в руку Сэйбера.

И закричала изо всех сил.

— Даже не шути об этом, Сэйбер!

— По-твоему, я шутил, Аяка?

— Это ещё хуже! Говорила ведь! Марать руки буду я! Да, у меня нет силы сделать это самой! Но я твой Мастер, а это означает, что ты будешь убивать людей только по моему приказу, разве нет?! Или, может, ты на самом деле не доверяешь мне?!

Он ещё никогда не видел её такой серьёзной.

Воцарилось молчание.

Несмотря на жестокие столкновения, вспышки и бурю в лесу на западе, внутри барьера, возведённого с помощью магии бабочки, на несколько секунд – которые показались целой вечностью – стало на удивление тихо.

Напряжение исчезло, когда дерзкая улыбка Сэйбера сменилась ухмылкой ребёнка, совершившего шалость.

— Ну как, было похоже, что она притворялась? — спросил он магессу.

— Чего? — пробормотала Аяка, ничего не понимая.

Женщина в красном раздражённо закрыла глаза, протяжно вздохнула и ответила:

— Ладно, по крайней мере, ты убедил меня в том, что актриса из неё никакая. И ещё... Я до сих пор не знаю, человек она или нет, но она в любом случае *дилетантка*, причём в ужасающей степени.

— Ага. Позволь мне принести официальные извинения. Хоть я и не говорил это всерьёз, но угрожать вам всем смертью было очень грубо. Если позволите, я искуплю вину своими будущими усилиями.

— Ну, для нам подобные игры с обманом и хитростью – обычное дело. Простое извинение уже делает тебя лучше многих. Но заметь, я не сказала «проехали». Мы тебя загоняем до изнеможения.

Разговор между Сэйбером и женщиной в красном вернулся в обычное русло, и маги вновь сосредоточились на своих задачах, шёпотом обмениваясь фразами вроде «Блин, он реально меня одурачил», «Мы бы не победили, Героические души находятся на совершенно ином уровне» или «Не стоило переживать, на Тосаку в таких делах всегда можно положиться».

— Чего? Так вот что произошло?

Подумав немного, Аяка осознала, что Сэйбер втянул её в свою шараду.

— Сэйбер?

— Всё хорошо, что хорошо кон... У-у-у-у.

Сэйбер застонал, когда Аяка изо всех сил дёрнула его за косичку.

— Хм-м, но да, я понимаю, что ты устроил этот балаган, чтобы помочь мне...

— Ха-ха-ха, я считаю твой талант понимать других настоящим достоинством.

— Я разрываюсь между желанием поблагодарить тебя и намерением хорошенько отругать за шутку про убийство. Ну и что мне делать?

У Аяки всё ещё вздувались вены, но она смогла выдавить из себя улыбку. Увидев это, Сэйбер задумался на секунду, несмотря на то, что его продолжали тянуть за волосы, и озвучил, как ему показалось, гениальную идею.

- В такие моменты весьма уместно начать петь. Когда я сидел за решёткой, мне было так одиноко, что я сочинил жалобную песню, которую можно вкратце описать словами «я здесь и поэтому очень хочу, чтобы кто-нибудь меня спас». И ещё я должен извиниться за то, что разозлил тебя!

Когда Сэйбер весьма грандиозным образом избавил Аяку от едких чувств, она обнаружила, что не испытывает должного облегчения.

Она не находила себе места из-за сна, в котором присутствовал Сен-Жермен, но главным источником её тревоги было понимание того, что его недавнее представление было вовсе не шуткой. Что он действительно был полон решимости убить всех, кого видел. Что это было частью его натуры.

Как Сэйбер и сказал, у неё был талант понимать других.

«Дело не в том, добрый он или злой. Сэйбер просто не знает, как *колебаться*. Он полностью игнорирует страх вину и тревогу, которые вызывает мысль о том, что у его действий есть последствия. Или, может, он принимает все эти чувства с распростёртыми объятиями и продолжает идти вперёд».

У Аяки не получалось думать об этом как о чём-то совсем плохом.

Всё-таки эта его склонность много раз спасала ей жизнь.

И поэтому Аяка пересмотрела свои убеждения.

Теперь она думала, что не может оставить его наедине с той плохой репутацией, которую он без необходимости обретал ради неё.

Именно это она решила, когда они официально заключили контракт.

«Когда придёт время тонуть, я пойду на дно вместе с ним».

Магесса в красном прокомментировала вновь обретённую решимость Аяки:

— Когда мы здесь оказались, ты уже была в Америке. Поэтому сложно представить, что ты хочешь нас обмануть. Если же целью было наблюдение за Флатом и учителем, то есть кандидаты и получше. Серьёзно, нет никакого смысла останавливаться на облике Садзё, ведь нам достаточно просто набрать её номер.

— А? Вы можете... ей позвонить?

— Мы уже это сделали, но без толку. У неё тоже не нашлось ответа. Кажется, Садзё заподозрила кое-кого из её семейки, но, как выяснилось, она ни при чём.

— Л-ладно...

У кого-то было такое же имя, как у неё.

Столкнувшись с этим фактом, Аяка...

...обнаружила, что ведёт себя более холодно и рационально, чем можно было ожидать.

«Что? Почему я так спокойна?»

Она внезапно осознала, что понятия не имела, кем являлась. И вполне естественной реакцией на это были бы гнев, безумие и паника.

Но вместо этого она нашла покой в том, что может ясно воспринимать противоречия.

Самое неприятное заключалось в том, что она не могла понять, что именно заставляло её чувствовать такое облегчение.

«Стоп, в этом нет никакого смысла. Очевидно же. *Почему я не пытаюсь изо всех сил вспомнить своё прошлое*? Даже теперь ищу оправдания... Нет, сейчас не время для этого...»

Это правда, что туман сильно замерцал после слов женщины в красном, но она так и не смогла сделать шаг к воспоминаниям о своём прошлом.

По факту, если бы у Аяки не было смелости попросить о срочной помощи, чтобы заставить её вспомнить, она не смогла бы напомнить себе о своей логике и мотивах и не дала бы убедительных ответов.

Магесса в красном на секунду забыла про Аяку и обратилась к Сэйберу, с которым надеялась объединить силы.

— И всё же... Я вижу, что ты рыцарь или что-то в этом духе. Если при жизни ты участвовал в сражениях, то тебе должно быть прекрасно известно, как страшен фактор неизвестности на поле боя.

— Ну, если ты так считаешь, то я бы не хотел такого фактора, в сравнении с которым происходящее в лесу покажется сущей мелочью, — с сарказмом произнёс Сэйбер и повернулся лицом к западу. Лес плотно окутал ураган, из-за чего с расстояния было трудно понять, что там происходило.

Однако до них всё равно доносились оглушительные взрывы и раскаты грома, сопровождаемые золотыми вспышками и движением чего-то гигантского.

— Мы не настолько глупы, чтобы бросаться сломя голову на... *что бы это ни было.*

— Да, вы все очень умны, — сказал Сэйбер и взглянул на собравшихся вокруг товарищей, явно наслаждаясь собой. — Разве не поэтому *вам нужен кто-то на роль безумца*?

Сэйберу ответил молодой аристократ, который поддерживал барьер с помощью бабочек.

— Очевидно, мы бы никогда не пригласили вас сразиться вместе только для того, чтобы использовать в роли приманки или жертвенной пешки. Особенно тебя, явно особу королевских кровей, если судить по стилю и индивидуальности.

— На самом деле всё обстоит не так. Я слышал, что *мой уважаемый король Артур* лично вёл солдат вперёд и что он собственными руками сразил подлого Вортигерна и предателя Мордреда. Я тоже много раз шёл в бой в первых рядах или вообще в одиночку. Как вечный почитатель своего короля-предка и Александра Великого, я предавался безумный мечтам и желал уничтожить целую страну с помощью одного лишь боевого мастерства, — сказал Сэйбер, восхваляя больше героев прошлого, чем себя.

Он заметил, что женщина в красном слабо отреагировала на упоминание короля Артура, но сдержался, зная, что на это сейчас не было времени.

Надолго его не хватило.

— Кстати, раз ты знаешь Фуюки, то, наверное, видела короля Артура в... У-у-у-у!

Сэйбер смотрел на магессу в красном с явным желанием продолжить этот разговор, но Аяка, дёрнув своего Слугу не только за косичку, но и за руку, отчитала его и заставила вернуться к делу.

— Можете говорить об этом сколько душе угодно, но только после того, как мы разберёмся с насущной проблемой.

— Похоже, мы не можем порадовать друг друга блестящими идеями, как разобраться с храмом на западе, но нам нужно что-то сделать, прежде чем эта война на истощение закончится.

— Ты называешь войной на истощение вот это?.. Чего?.. — пробормотала в ответ Аяка, наблюдая за лесом.

Но вмешиваться в разговор она не собиралась и поэтому не стала продолжать.

В стратегическом совещании принимали участие управлявший бабочками Вернер Цезармунд и женщина в красном, Тосака Рин.

Им составили компанию магесса в синем платье по имени Лувиагелита Эдельфельт и несколько магов, назвавшихся подчинёнными Тины Челк.

И наконец женщина, которую Сэйбер и Аяка уже знали, Вера Левитт.

Священник Ханза решил наблюдать за обсуждением со стороны, сказав: «Что бы вы ни решили, я спорить не буду. Ситуация такая, что сокрыть это без полного уничтожения не получится, не так ли?»

Встав поодаль, он пошутил: «Я придумаю, что написать в своём докладе. Полагаю, Святая Церковь сотрёт этот город с лица земли, если мои бредни их не убедят, хе-хе-хе». Но никто почему-то не засмеялся.

— Это будет очень в духе Церкви… — пробормотал Сэйбер и спросил Веру, возвращаясь к теме: — Ладно, каков план? Подождём, когда всё уляжется, и нападём на истощённого врага? Или же превратим город или ущелье в крепость и приготовимся к осаде? В этом призыве я воплотился не как полководец и стратег, а как простой рыцарь. Буду следовать той стратегии, на которой вы, современные маги, остановитесь.

После этих слов он посмотрел на Ипполиту.

— Ты ведь того же мнения, *предводительница амазонок*?

— В общем и целом. Однако особенности моей духовной основы помогают руководить маршами.

Ипполита молча кивнула, когда Сэйбер намекнул, что разгадал её настоящее имя.

Аяка, которая по большей части не слушала разговор, из внезапного любопытства сказала Сэйберу:

— Я ожидала, что ты вызовешься напасть на храм в одиночку.

— Ну, честно говоря, рыцарь внутри меня того и требует. Но у нас тут объединённая армия с самыми разными силами, так что это неприемлемо, не так ли? Мне доводилось командовать союзными войсками, и это та ещё заноза в заднице, скажу я вам.

Вспоминая далёкое прошлое, Сэйбер закрыл глаза от усталости, что было для него большой редкостью.

Он молча покачал головой и громко сказала себе:

— Ну, кто-нибудь своевольный всегда найдётся, поэтому очень важно уметь импровизировать в зависимости от его поступков. Но даже если кто-то покинет строй, не устояв перед вражеской свирепостью или элементом неожиданности, или если союзник решит не подчиняться приказам, их действия можно использовать, чтобы застать противника врасплох.

После этих слов Сэйбер обратил свой взор в сторону леса на западе.

— Представим, что лес и храм – это город. Успех нашей стремительной атаки зависит от способностей генерала, возглавляющего его оборону. Если не генерала, то правителя… или бога. Однажды мне удалось победить дьявольское создание, именуемое Мёртвым Апостолом, но это будет мой первый штурм замка божества.

— Ну надо же, Сэйбер, я удивлена, что ты смог убить Мёртвого Апостола при жизни.

Сэйбер неловко улыбнулся в ответ на слова Лувии и покосился в сторону Ханзы.

— Это был единственный случай. К тому же ради этого мне пришлось объединиться с заклятым врагом и пожертвовать большей частью наших объединённых войск. Но сложнее всего далась зачистка. Мой вам совет, никогда не связывайтесь с людьми, представляющими тайную сторону Церкви. Всё я сказать не могу, но большинство из них… бесят.

— Соглашусь, — сказал стоявший в стороне Ханза, намекая тем самым, что всё слышит.

— Соглашусь, — повторила Рин, не вдаваясь в детали.

— То есть… вы предлагаете ждать, пока обстановка в лесу не изменится? — повысила голос Вера, представлявшая полицию.

Для Веры, которую скорое уничтожение города тревожило не на шутку, это был вполне естественный вопрос, но Вернер лишь покачал головой.

— У нас нет на это времени. Если самопровозглашённая богиня победит, то всё станет только хуже.

— В смысле? — спросила секретарь Тины.

— Проиграв в бою, Героическая душа попадает в Малый Грааль. Мне продолжать? — ответила Тосака Рин, которая, по-видимому, знала про Войны за Святой Грааль больше всех.

В ритуалах, следующих модели Фуюки, Святой Грааль разделяется на Великий и Малый.

Великий Грааль можно сравнить с резервуаром, где накапливается энергия из духовной жилы, а Малый Грааль является устройством, которое вбирает в себя энергию призванных Героических душ.

Героическая душа, павшая в бою и не способная поддерживать свою духовную основу, оказывается в Малом Граале.

По завершении войны их духовные формы кристаллизуются и становятся Святым Граалем, образуя устройство для исполнения желаний.

Говорят, что в этот момент настоящий Святой Грааль может достичь сферы Третьей Истинной магии, она же материализация души, позволяя обрести подлинное бессмертие.

Вера вспомнила странный разговор, в ходе которого Франческа и Фалдеус упомянули, что у Войны за Святой Грааль города Фуюки было и другое предназначение, помимо Третьей магии. Но это, по словам Фалдеуса, не является их целью. Франческа же сказала, что ей это не интересно и что её фальшивый Грааль может в лучшем случае предложить лишь имитацию Третьей магии. Мол, *ему никогда не проложить необходимый путь.*

Её начальник не стал возражать, поэтому Вера решила не задавать лишних вопросов.

Тосака Рин явно не собиралась вдаваться в подробности. Она просто продолжила говорить про присутствие Малого Грааля.

— Ваш начальник знает, что такое Малый Грааль? — спросила Рин Веру.

Будучи на стороне зачинщиков Войны за Святой Грааль, Вера на секунду замешкалась, но всё-таки медленно кивнула, поскольку начальник разрешил ей раскрывать любые карты, кроме настоящих имён Слуг.

— Да. Сообщница по имени Франческа привела гомункулу Айнцбернов… которую зовут Филия.

— Что?

В этот раз голос подала Аяка.

— Филия?.. То есть… та самая Филия?

— Знакомы? Хорошо, меньше объяснять. Думаю, вы можете понять, к чему ведёт мисс Тосака.

Сэйбер послушно кивнул в ответ на слова Веры.

— Ясно. После гибели Героическая душа попадает в Малый Грааль. В нашем случае это тело гомункулы Филии. Проблема в том, что Малый Грааль занят этой богиней Иштар…

— Как правило, Малый Грааль не обладает функцией преобразования энергии Героической души в подконтрольную силу. Другое дело, если внутри неё действительно божество или нечто очень похожее.

Лувия продолжила там, где остановилась Рин.

— Если первая проигравшая Героическая душа обладала Божественностью, то именно её попадание в поток Грааля могло вызвать это пробуждение… По крайней мере, мы так полагаем.

— То есть вы хотите сказать, что если энергия того, кто проиграет в этой битве, будет поглощена… то мы уже ничего не сможем сделать?

— Да. И поэтому наш план прост. Мы атакуем храм прямо сейчас.

Сэйбер, которого слова Рин явно заинтриговали, с довольным видом спросил:

— Что-что? Не ты ли говорила, что вы не настолько глупы, чтобы бросаться туда сломя голову?

— Вот именно, «сломя голову», — кивнула Рин и со всем неуважением заявила, словно бросая вызов великой силе: — *Мне плевать, что это за божество… Я собираюсь честно вломить ей, напав со спины.*

× ×

Перед новым храмом Иштар.

Определение силы.

Определение мира.

Эти фразы то и дело являли себя в промежутке между землёй и небом.

Огромный ураган, воплощение божественного зверя.

Страж богов, монстр бедствия.

Чёрный потоп, созданный мстителем, отвергающим и выступающим против богов.

Золотые цепи, оружие богов.

Отголосок древней богини, пытающийся обрести былое величие.

То, что некогда было лесом на западе, стало «песочницей», где резвились реликты Эпохи богов и их враги.

Героическая душа и магическое существо, забредшие сюда, были как пылинки.

Доказательством тому служило переполнявшее «песочницу» невероятное количество энергии.

Она была не готова.

Героическая душа, оказавшаяся в «песочнице», просто сокрушалась по поводу того, что ей не хватало опыта.

Она всегда была тщеславной.

Возможно, в каком-то смысле её попытки приблизиться к девятнадцати великим и благочестивым старейшинам стали первым признаком её незрелости.

Одна благородная Героическая душа во власти бушующих волн силы.

Она ничего не добилась с тех пор, как воплотилась безымянной Ассасин.

Она не уничтожила адское отродье, осквернившее её душу порочной магической энергией.

Она не спасла девочку, ставшую игрушкой в руках родителей.

Она не бросила вызов чуждой *силе*, называющей себя богиней, и не предотвратила уничтожение города.

Сцену, развернувшуюся перед Ассасин без имени, можно было описать как медленное и мягкое разрушение мира.

Похожие на горы змеи опутали колосса, который был гораздо больше них, а земля исчезла под чёрным бурлящим потоком.

Более того, к лесу приближался огромный гарпун, который, как она предполагала, принадлежал Героической душе, встретившей её в лесу. Женщина, назвавшаяся богиней Иштар, очаровала сам мир и подчинила его своей воле.

Этого она ни за что не могла стерпеть.

Нет, даже если бы она закрыла на это глаза, ей нужно было положить этому конец ради жителей города.

Но ситуация уже стала такой, что её чувства перестали иметь значение.

Она взобралась на дерево и едва спаслась от чёрного потопа, но больше ей ничего не оставалось.

Если она перейдёт в призрачную форму, чтобы сбежать, то вихрь магической энергии затянет её и сразу же уничтожит.

На её месте любого человека или обычную Героическую душу это привело бы в уныние.

Но её сердце не сломить.

Глядя на столкновение сил, которое можно было описать лишь как предельную жестокость, безымянная Ассасин продолжала искать возможность что-нибудь сделать.

Она была более чем готова расстаться с жизнью.

Вот только её жизнь ничего не решит.

— Ха-ха-ха! Мы с тобой всего лишь пылинки перед лицом этой жестокой силы, моя ненаглядная Ассасин! Ах, какая же радость впервые увидеть мир так же, как и ты! Вкус отчаяния стоит того! Да, я наконец-то готов умереть, если потребуется! Да! Моя единственная любовь! Сгинуть вместе с тобой будет…

Безымянная Ассасин пропустила мимо ушей бессвязный бред, доносившийся с соседнего дерева, и высвободила свой Благородный Фантазм.

Забания

— Обманчивое сердцебиение.

Джестер в последний момент увернулся от удара красной руки, появившейся из спины Ассасин.

Но в движениях кровососа отсутствовала прежняя энергичность. Если Ассасин приложит все свои усилия, то наконец-то сможет стереть его из бытия.

Вот только она не знала, хватит ли ей энергии, полученной от Аяки. Не будет ли лучше поставить на лучик надежды и отправиться на уничтожение существа, называющего себя «богиней»?

Она не могла решить.

Безымянная Ассасин подумала, что нерешительность была признаком её незрелости.

Она бы застонала от собственной слабости, но у нее не было на это времени.

«Что же делать?»

«Как поступить правильно?»

«Следовать логике или эмоциям?»

«Я вообще имею право на этот выбор?»

- Ах, ах, моя дорогая, ненаглядная, прекрасная Ассасин! Мы ничего не можем сделать. Но видеть, как чуждая сила ставит на колени тебя и твою веру... это... Эх! Буду честен! *Это всё, что я хотел увидеть*! Терзать и ломать тебя должен был я, без этого моей любви не стать совершенной! И раз уж мне это больше не сделать, то я буду смотреть, как тебя ломают боги, это меня вполне устроит! Ты разочарована во мне? Не стесняйся. Я готов и на меньшее, когда дело касается нашей любви! Как же низко я пал! Раз такое дело, мы с тобой, разочаровавшиеся мужчина и женщина, должны найти красоту в том, чтобы исчезнуть вместе из этой эпохи...

Ассасин вновь проигнорировала бредни кровососа на соседнем дереве.

Однако похожие изумление и нетерпение начали стучаться в двери её сердца.

Каждый удар ноги божественного зверя, фамильяра женщины, которая даже Слугой не была, порождал новый катаклизм.

И способов предотвратить это попросту не было.

Она не знала, что предпринять.

Тогда какой смысл противиться?

Ассасин представила, как позади возникла другая она и прошептала ей на ухо: «Ты сделала достаточно».

Это было почти похоже на недовольные жалобы.

«Всё было бы намного проще, если бы ты не стремилась к высотам, не желала стать такой же, как Старик с горы, а выбрала обычную жизнь».

Слова «теперь можешь покоиться с миром» прозвучали на удивление соблазнительно.

«Все попытки тщетны».

«Почему тогда не бросить всё и не сбежать?»

«Да, ты бы могла...»

«...взять с собой того наёмника и...»

Ассасин вцепилась рукой в глотку другой себя, шептавшую у неё за спиной.

— Кха...

С удивлением почувствовав, как её рука действительно что-то схватила, Ассасин обернулась и увидела задыхающегося Джестера со сломанной шеей.

— ?..

Джестер коснулся ладони сбитой с толку Ассасин, и та вынужденно отступила, наблюдая, как кровосос сдирает плоть с шеи.

— Кха... Ха-ха, Ха-ха-ха! Значит, подчиняться ты не собираешься! Это и делает тебя такой прекра...

Не успев выдавить последние слова из искривлённой глотки, Джестер рухнул в чёрные воды и мгновенно исчез, поглощённый потоком.

Тогда-то Ассасин и заметила.

То, что она считала тенью слабости её сердца, на самом деле было иллюзией, созданной Джестером.

— ...

«Так от него не избавишься».

Ассасин удержалась от того, чтобы броситься в погоню. Она не была глупой и понимала, какую опасность представляли чёрные воды.

Кому-то вроде Джестера, еретичного по своей сути, они вряд ли сильно навредят, но она даже представить себе не могла, что произойдёт, если в них упадёт Слуга.

Ассасин некуда было ступить, чтобы оказаться в безопасности, но, что странно, она сохраняла спокойствие.

Безымянная вновь начала рационально мыслить, выровняла дыхание и с невозмутимым видом посмотрела на небо.

— Мне действительно ещё многому предстоит научиться.

Её на удивление ясный взор не мог затмить даже неистовый ветер.

Благодаря словам Джестера она вспомнила кредо, которое обрёл Сигма.

«Поищу способ спасти Куруока Цубаки, даже если город будет уничтожен».

Он, наёмник, сказал, что будет искать способ спасти кого-то, *даже если город будет уничтожен*.

Он смирился с разрушениями, которые несла великая сила, однако всё равно намеревался спасти девочку.

— Сигма гораздо сильнее меня.

Её лицо прояснилось, но на нём отчётливо читалась решимость.

«Судьбе меня не сломить. Ибо великий поток уже предопределён. К тому же не мне подвергать сомнению волю Аллаха».

Безмятежная ясность.

Ливень, чёрный потоп и водоворот жажды крови, окружавший её, казались теперь очень далёкими.

Отбросив всё, что делало её той, кем она была, Ассасин могла объединить все имитации великих Стариков с горы из прошлого. Если она откажется от своей человечности, то у неё появится шанс остановить колосса и женщину с чуждой силой.

«Во мне нет страха. Я просто стану тем, чем должна стать. Надо просто *избавиться от всех моих незрелых чувств*».

Безымянная Ассасин попыталась отпустить эмоции, чтобы увидеть свой путь, ведущий к концу.

Корень её духовной основы начал извиваться и превращаться в то, что сотрёт её личность.

Но...

Изменения в её духовной основе полностью прекратились.

— ?..

Безымянная Ассасин попыталась высвободить Благородный Фантазм, готовая избавиться от всего, что скопилось со временем: от своих прошлого, личности, тела и эмоций.

Но не смогла произнести его имя вслух.

Все звуки вдруг исчезли, а вслед за ними и воздушные потоки, порождаемые неистовыми ветрами.

Не в силах услышать даже звуки собственного дыхания, Ассасин ошибочно решила, что кто-то лишил её слуха.

Прислушавшись, она уловила слабый шелест ткани и поняла, что проблема заключалась не в ушах, а в самом пространстве вокруг.

Её присутствие было полностью изолировано от мира. Она будто оказалась в ловушке бездонной тени.

Если говорить точнее, её присутствие было отрезано *тенью*, таящейся в трещинах мира.

Невидимой тенью.

Описать охватившее её странное ощущение как-то иначе было невозможно.

Ассасин не могла пошевелиться.

Но, несмотря на то, что она оставалась на месте, теперь на неё совершенно не влияли яростные столкновения и буря.

Ей не удавалось даже посмотреть на свои руки и ноги, чтобы понять, стоит она или сидит.

Столь внезапная потеря связи с миром породила в её голове мысли, что она уже умерла и лишилась тела, которое использовала.

И затем она увидела, как что-то изменилось.

Огромное дерево рядом с ней разворотило ударной волной, когда Берсеркер отразила атаку Лансера.

Один из разлетевшихся в разные стороны листьев прошёл сквозь Ассасин...

И нечто, чего здесь ещё секунду назад не было, появилось у неё прямо перед глазами.

«Оно» естественным образом парило в воздухе, словно растворившись в мире.

«Оно», *маска-череп, символ смерти*.

Время для Безымянной Ассасин сразу же замерло.

У неё не было возможности задуматься над тем, что произошло.

Ей не нужно было озвучивать своё недоверие.

Без всякого промедления воспоминания Ассасин о прошлой жизни, её душа, тренированное тело и вера, ныне запятнанные адским отродьем, поняли, на что она смотрела.

Кожа на лице вновь обрела чувствительность.

Она поняла, что из её глаз сами собой полились слёзы.

Маска-череп просто висела в воздухе и ничего не делала, но вокруг неё причудливым образом зазвучал голос.

«Зачем ты отправилась к храму?»

Человеческий голос.

Но он, как ни странно, будто принадлежал всему миру вокруг Ассасин.

Несмотря на инстинктивное чувство, словно её заперли в тени, она сразу же поняла, что происходило на самом деле.

Тень, запечатавшая её, была воплощением самих благородных старейшин.

«Зачем ты искала гору?»

Вопрос, который задал этот совершенно спокойный голос, погрузился в глубины души Ассасин.

Голос с любопытной смесью сурового упрёка и нежных объятий.

Ассасин не могла вымолвить ни слова.

Вопрос требовал обнажить саму суть её характера.

Но у Ассасин без имени не было ответа.

Точнее она думала, что не заслужила право дать ответ.

Она верила в это больше всего на свете.

Фанатичка искала доказательство.

Конкретное доказательство её веры. Которое могло убедить её в том, что она была последовательницей Аллаха.

Осознание, что поиски сами по себе были глупой идеей, пришло к ней слишком поздно.

Только теперь, после того, как её жизнь оборвалась и она стала Героической душой, Ассасин впервые заметила свою незрелость.

Но после становления Героической душой кое-что она начала понимать ещё меньше.

Зачем она искала доказательство?

Чтобы обрести силу и спасти больше людей?

Чтобы показать другим свою набожность?

Чтобы целиком отдать себя великому потоку вместе с тем, что она с помощью этого доказательства обретёт?

Неужели она надменно желала изменить весь мир, став лидером ордена ассасинов?

Или же… её желание было гораздо менее большим и более личным?

У неё больше не осталось воспоминаний о прошлой жизни.

Лишь сожаления по поводу незрелости, которые вдохновляли её на поиск доказательства.

Изначальной причиной было нечто, от чего она отказалась во время долгих и суровых тренировок.

Преодолев невероятные трудности, она изменилась телом и разумом, стала отличаться от той, кем родилась.

Чтобы обрести способности восемнадцати Хассанов ибн Саббахов, ей нужно было пожертвовать всем.

Она никогда этого не признает, но…

В каком-то смысле она была более искусной, чем кто-либо другой.

Она отдала свои страдания, свои прошлое и будущее и лишилась большей части эмоций.

Даже её имя, мечты и молитвы стали подношением.

Вот почему она превзошла всех и достигла небывалых высот.

Именно из-за такого образа жизни она была не в состоянии ответить на вопрос.

Её спрашивали о началах.

Но эти начала мешали её вере и были отброшены в сторону.

Ей не удавалось пошевелить губами, но…

Даже если бы она могла говорить свободно, ответа у неё не было.

Она сказала бы, почему целиком отдала себя своим убеждениям.

Потому что иначе она не радовалась бы при виде того, как в Сигме расцветает вера и не нападала бы на магов, стремившихся заполучить Грааль.

Но её спросили, зачем она *искала гору*.

Когда старейшина говорит слово «гора», это означает лишь одно.

Хассан ибн Саббах.

Имя с особым смыслом в её секте.

Как это ни парадоксально, она уже не знала, зачем стремилась к более высоким целям.

Несмотря на её неспособность говорить вслух, голос продолжил, вероятно, прочитав её мысли по опечаленному лицу и молчаливому отсутствию сопротивления:

«Я ощутил твоё присутствие в тот момент, когда меня призвали в эти земли».

— !

«И теперь, представ перед великим потоком, ты проявила свою решимость… *Как я и предполагал, ты не одна из нас*», — бесстрастно заявил Безымянной Ассасин голос.

Фраза, которую можно было принять за отказ, эхом разнеслась по её миру.

Слова, которые, если воспринимать их буквально, могли морально уничтожить Ассасин.

Однако она их приняла.

«Это очевидно. Сам факт того, что он решил лично опровергнуть мою незрелость, уже является честью, которую я не заслужила», — подумала она, стыдясь себя. «Он пришёл остановить меня. Я слышу это в его голосе. Старейшина *не стремится заполучить Грааль*».

Его голос существовал как фрагмент мира, лишённый надменности или желания.

Он достиг совершенства.

Он был полной противоположностью её неопытности.

«А, вот, значит, как. Я допустила ошибку. Наверняка других старейшин, которых призывали на предыдущие войны, Грааль тоже не интересовал. Я же сделала глупое предположение, разгневалась на магов и Святой Грааль и в итоге многим причинила боль из-за этого. Меня сковали печаль и ненависть. Уверена, он явился, чтобы меня покарать».

— Позвольте сказать пару слов, — неожиданно для себя вымолвила она.

Ассасин не знала, когда к ней вернулся дар речи, но слова продолжали слетать с её губ, как того требовало естественное провидение.

— Моя неопытность обернулась лишь катастрофой для тех, кто были рядом со мной… Сигма, Аяка Садзё, девочка по имени Цубаки и многие другие жители этих земель. Они не сошли с правильного пути. Можете клеймить меня в пламени Джаханнама, сколько потребуется, но не судите их строго, прошу Вас.

Её сердце уже всё решило.

Если воля великого предшественника заключалась в том, чтобы осудить её товарищей за её поступки, то она возьмёт все грехи на себя – даже согласится исчезнуть в глубинах тьмы за это. Другими словами, если ради этого ей придётся обнажить клыки на Истинного Ассасина, то она это сделает.

Но…

«Это решать не мне и не тебе. Ни один человек не достоин понести божественную кару».

— !..

Слова маски-черепа намекали на то, что её сердце видели насквозь, из-за чего Ассасин начала ещё больше стыдиться своей неопытности. Однако она вновь попыталась убедить его в невинности людей, которые повстречались ей за время этого призыва, но…

Голос её опередил.

«Ты не одна из нас. Но… это всё. Смысла более сие различие не несёт».

— ?..

«Следовало осознать, когда ты была ещё во плоти».

Безымянная Ассасин посмотрела вверх, не в силах понять этот разговор.

Она чувствовала, как чёрные дыры за маской-черепом пристально смотрели на неё.

Как и прежде, голос эхом разнёсся по всему тёмному миру вокруг неё.

«Мы стремимся к вершине горы из-за наших сомнений, потерь, желаний, любви и безумия. И поскольку вершина ждёт нас всех в конце, лишь благодаря милосердию первого мы можем вернуться в ущелье».

Голос говорил медленно, чтобы слова проникали вглубь души и тела Безымянной Ассасин – в саму жизнь, что выстраивала кусочек за кусочком духовную основу до становления Героической душой.

«Ты та, *кто идёт по пути жизни*», — сказал Истинный Ассасин – Хассан ибн Саббах – обращаясь к набожной приверженке, которую защищала тень.

И эта тень, запечатлённая в самом мире, заявила:

«Ты из народа, защищать который – наш долг… Вера твоя – это то, ради чего я отдал свою жизнь».

— …

Безымянная Ассасин лишилась дара речи. Хассан же спокойно продолжил:

«Первый из Стариков не примет твой выбор. Гора и ущелье отвергнут тебя».

После этих слов Ассасин заметила, как что-то изменилось.

Она вновь начала кожей чувствовать холодный ветер и слышать звуки, от которых до этого была изолирована. Ассасин поняла, что «невидимая тень» отпустила её.

«Я есть *продолжение его тени*…»

Теперь голос раздавался только с одной стороны.

Там она увидела чёрную тень и маску-череп, образовывавшие человеческое тело.

«*…и поэтому моя роль – указать тебе путь*».

Он сказал эти странные слова отличным от механического, чуть ли не отеческим тоном…

После чего его тело и маска-череп исчезли в чёрных водах.

«Не сходи со своего пути, верующая».

Это показывало, что «тень» оставалась «тенью» везде, будь то священный мавзолей или цепкие объятия безграничного проклятия.

«Тебе не нужно ничего отдавать великому потоку».

× ×

Промышленный район.

— Если так и дальше будет продолжаться, то бой превратится в бессмысленный обмен одними и теми же ударами.

Он посылал демонические стрелы одну за другой. Не ради сдерживания или диверсии. Им двигало твёрдое намерение сразить врага.

Но передняя нога Небесного быка всё ещё была в хорошем состоянии, а храм так и стоял без видимых повреждений.

Сдерживать движения Небесного быка так долго уже было невероятным подвигом, но Алкида это не волновало.

Потому что на самом деле он сражался не ради того, чтобы защитить город или его жителей.

Опустив лук, Алкид послал телепатическое сообщение своему Мастеру.

— Я собираюсь использовать значительное количество магической энергии, Мастер. Есть возражения?

Разум его Мастера лишь бесстрастно спросил, сколько именно.

— Всё, что у меня есть, — сразу же ответил Алкид.

И затем добавил:

— Если у меня получится… то в твоих запасах магической энергии больше не будет необходимости.

× ×

Храм.

Новый храм Иштар находился в эпицентре лесной аномалии.

На его вершине стояла Филия/Иштар, эманация богини, которая продолжала захватывать мир, успевая при этом сражаться с Алкидом и Энкиду. Позади неё появилась танцующая *тень*.

Она была тенью и ничем более. Под крышей храма она стала ещё темнее, но в остальном никак не изменилась.

Богиня Иштар не могла видеть его фигуру, но точно знала, что в область действия её Власти прокралось чьё-то присутствие, и задала вопрос тени, поднимавшейся за её спиной.

— *Кто ты*? *Что тебе нужно от меня*?

— Отблеск Утренней звезды в небесах чужих земель.

Тень смешалась с тьмой, позволив распространяться лишь своему голосу.

Слуга Фалдеуса, Ассасин – Хассан ибн Саббах.

Тот, у кого не было номера, указывавшего на поколение. Обладатель имени «Хассан Бездонного разлома», о котором знали лишь другие Хассаны.

Аномальная маска-череп, зачастую называемая некоторыми «Тень Первого», хоть это и не отражало реальность.

Всё, что он делал, это общался из теней с женщиной, называющей себя богиней.

— От имени изначального клинка, который сжимала рука предка… я принёс тебе звон вечернего колокола.